

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Лю Ди
«Русское деепричастие как единица перевода: грамматический, семантический и
прагматический аспекты перевода на китайский язык»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Тематика рецензируемой диссертации актуальна, — в ряду других проблем, касающихся научного изучения китайского языка и сравнения его строя с языками иной типологии. К сожалению, последние двадцать лет в отечественной лингвистике это направление фактически провально (за исключением нескольких работ), поскольку чаще всего повторяются широко известные банальности пост-яфетидологического языкознания 1950-1970 гг.; западная же лингвистика, вообще, более озабочена крайне частными проблемами, которые решаются в дескриптивистском или генеративном ключе. Кроме того, западная (и, тем более, генеративная) лингвистика базируется на английском языке, где проблема статуса и описания деепричастия не особенно ярка.

Следовательно, данная диссертация может иметь важное значение, если хотя бы частично комплекс проблем, связанных с позицией деепричастия, был бы внятно описан — и, в какой-либо степени — решен.

Такое исследование интересно еще и потенциальной контрастивностью: деепричастие в современном русском языке (в литературной норме — флективном с выдвижением подлежащего) стабилизировано и имеет полный комплекс морфологических признаков, явно отличающих его от причастия или глагола, в то время как в китайском языке (изолирующем / пред-агглютинативном с выдвижением топики) на позицию деепричастия указывают лишь признаки косвенные и лишь иногда — и факультативно — признаки «морфологического» свойства), типа морфемы 着 / 著 zhe, которая считается глагольным суффиксом в (пост)советской лингвистике и не считается суффиксом в представлении китайцев.

Исходя из современных воззрений на природу языка, на возможность расширения и пересмотра традиционных «греко-латинских» ценностей, исследователь китайского языка может аргументировано заявить, что позиция деепричастия а) существует в китайском языке, б) играет важную роль в уяснении генезиса морфологических категорий.

Части речи в современном китайском языке — в отличие от русского или литовского — не закреплены словарно, но, в то же время, не обладают той гибкостью и подвижностью, которую мы наблюдаем в классическом литературном языке вэньянь (эталон репрезентации китайской речи до 1920 гг.), или, к примеру, в языках типа лису, лаху и бурушаски. То есть отдельная единица, взятая вне контекста, не может быть однозначно отнесена к существительным, глаголам, и, тем более — к прилагательным и наречиям. Морфологическая однозначность достигается лишь в синтаксическом контексте уровня синтагмы или предложения.

Сама лексическая единица **колеблется** в некоем морфологическом **диапазоне**: к примеру, единицы, традиционно относимые к «существительным», свободно становятся относительными прилагательными, в каждом конкретном случае реализуя нюансы **позиций**: существительное → косвенный падеж существительного → притяжательное прилагательное → относительное прилагательное (условно говоря: 中国 Zhōngguó → 中国人民 Zhōngguó rénmin: Китай → народ Китая → «китаев» народ → китайский народ), с возможным выходом на маршрут до качественного прилагательного и даже глагола (...→ очень китайский → стать китайским →...).

С этой точки зрения оживленные дискуссии на тему, отдельная ли часть речи или особая форма глагола деепричастие в русском языке, кажутся несколько наивными — трансформация позиций свойственна и нашему языку, она так же неуклонна и последовательна. Помимо «крупных» частей речи, узловых позиций, есть бесконечное множество «микropозиций», недаром существует стилистика ресурсов русского языка, объясняющая бесконечное разнообразие смыслов при ограниченном числе форм.

Позиция деепричастия в китайском языке безумно интересна для исследователя. Она «ведет» к предлогу. В русском языке предлогов с явной деепричастной морфологией не так много (*несмотря на, исходя из*), в китайском же языке любой предлог произведен от позиции глагола, явно свернуто предикативен, и даже яркими «морфологистами» характеризуется как «глагол-предлог». Простое предложение 他在中国 *Tā zài Zhōngguó* мы справедливо переводим как Он *находится* в Китае, в то время как 他在中国读书 *Tā zài Zhōngguó dúshū* — Он *учится* в Китае (т.е. *находясь* в Китае, *учится*). Отдельные «предлоги», вообще, оформляются как глаголы-деепричастия: 朝着 *cháozhe* *в направлении*, 顺着 *shùnzhe* *вдоль....*, 逆着 *nizhe* *поперек...*.

Вторая проблема, связанная и с лингвистикой, и с обучением языку: любой русскоязычный учащийся совершенно естественно воспринимает суффикс 着 / 著 *zhe* как маркирующий деепричастие — в ситуации, где есть основной глагол — реализатор полной предикативности (躺着看书 *tǎngzhe kànshū* *лёжа читать*). Если учащийся прилично владеет английским, то в ситуации, где 着 / 著 *zhe* оформляет основной глагол, он воспримет форму V+着 *zhe* как аналог причастия при *present continuous* (хотя связка будет отсутствовать), то есть даже при банальном взгляде на вещи 着 *zhe* — аналог английского *-ing* (хотя, скорее, — наоборот, поскольку именно английская морфология движется к китайской, и это неисчерпаемый объект исследования). Однако на занятиях по китайскому языку и по советским, и по китайским учебникам (западные учебники вообще ничего не объясняют, поскольку построены на примерах) учащимся вбивается мысль, что 着 / 著 *zhe* — нечто специфически китайское, категорически неотожествимое с деепричастием.

Традиционная русистика обычно не выходит за рамки дихотомии глагол / наречие при описании деепричастия.

Основные достоинства диссертации:

1. Крайне серьезный и скрупулезный подход диссертанта (изначально — русиста) к объекту исследования (в рамках избранного научного направления и методологии), обилие примеров, детальный анализ;
2. Опять же, в рамках направления — стремление разобрать возможные аспекты;
3. Достаточно явно выраженная переводческая направленность;
4. То, что затрагивается тема частеречных переходов в русском языке (С.39 и далее): упоминаются транспозиции *деепричастие* → *наречие*, *деепричастие* → *предлог*, *деепричастие* → *союз*, при этом речь не идет о проблеме *транспозиция* ↔ *конверсия*, что может считаться и плюсом, и минусом;
5. Достаточно представителен параграф об изучении русского деепричастия в Китае (С.62 и далее),
6. В плане теории и практики перевода рассмотрено достаточно много эквивалентов позиции деепричастия в китайском языке и способов перевода на русский язык,
7. Проведен достаточно подробный анализ функционирования деепричастия в разных функциональных стилях русского языка, то есть, в достаточной (для данного объема) степени затрагиваются как функциональная стилистика, так и стилистика ресурсов;
8. Подобная диссертация, в принципе, могла бы стать хорошей основой для монографии, а в дальнейшем — для сравнительной грамматики китайского и русского языков.
9. Диссертация выполнена на хорошем русском языке.

Новизна результатов исследования заключается в том, что

- данная тема вынесена на рассмотрение,
- деепричастия рассмотрены с учетом их смыслового, грамматического и стилистического потенциала в сравнении с морфологической системой китайского языка;

— предпринята попытка создания модели предпереводческого анализа, учитывающая семантическую, синтаксическую и прагматическую специфику деепричастия;

- предложены критерии выбора эквивалентного переводческого соответствия и конкретизации трансформационно-семантической модели перевода с учетом своеобразия рассматриваемой грамматической единицы.

Что можно считать недостатками, свойственными, видимо (исходя из опыта рецензента), любой диссертации китайского континентального или тайваньского русиста: нахождение внутри направления, которое достаточно герметично и, во многом, стремится отграничиться от достижений общего языкознания. За точку отсчета берется русский язык, в качестве неоспоримых первоисточников — чаще всего, подробные описательные грамматики русского языка. Естественно, что в такой ситуации сложившиеся методологические традиции описания могут директивно переноситься (как неоспоримые) на описание языка китайского. Один из достаточно ярких примеров — т.н. «Сопоставительная грамматика ...» Чжао Юньпина (один из источников цитирования автора), которая в реальности, не более чем перевод русской грамматики с подгонкой примеров.

Собственно и современное общее языкознание во многом оперирует терминологией, сложившейся во времена А. фон Шлейхера и Ф.де Соссюра, при помощи которой не может быть адекватно описан ни один изолирующий или даже агглютинативный язык — поскольку в основе «европейских» частей речи, членов предложения и пр. лежат поверхностные свойства латинского и греческого языков — ярко выраженных флективных и в литературной форме — подлежащих.

Чудовищный клубок столетних и более противоречий в лингвистической синологии как раз и связан с тем, что якобы «универсалии» навязываются, и их требуют «искать»: слова, части речи, члены предложения и пр.

Поэтому характерно, что ряд китайских авторов (это особенно свойственно тайваньским коллегам) при анализе родного языка давно отказались от «соссюрианских» категорий и перешли к «хомскианским», идеологически более ней-

тральным и достаточно «беспристрастным»: именные, глагольные группы, ядерные структуры, трансформации — что достаточно эффективно при немасштабных описаниях, но вряд ли результативно при построении глобальных грамматик (поскольку не вскрывается суть языка).

Автор данной диссертации, кстати, отдает дань генеративной грамматике, в некоторых фрагментах прибегая к понятиям типа «ядерная структура». Наверное, это правильно.

Автор фактически не цитирует труды выдающихся американских лингвистов Чжао Юаньжэня, Чарльза Ли и Сандры Томпсон, не показывает интереса к проблематике топиковой типологии китайского языка, в то время как тщательное изучение подобных грамматик позволило бы более основательно взглянуть на объект изучения и несколько переструктурировать предмет.

В нормативном русском языке деепричастие, конституируя и расширяя пределы глагольных словосочетаний, все же, более, обслуживает уровень предложения. Для ментальности китайца — предложение — слабая уровневая единица, китайцу важнее — синтагмы (как уровень ниже предложения) и текстовые единицы (СФЕ и выше), а также дискурс как уровень выше текста. Внутри слабого китайского предложения главную роль играют синтагмы топика и комментария. На наш взгляд, данный комплекс проблем (слабое предложение ↔ роль и эквиваленты позиции деепричастия, потенциальная дискурсивность позиции деепричастия) в диссертации затронуты косвенно и недостаточно.

Представленные замечания касаются теории и методологии, но во многом — идеологические, связанные с принадлежностью к другой научной школе, — что, с нашей точки зрения, не может подвергать сомнению потенциальную результативность исследований в рамках других направлений.

В целом, уровень данной кандидатской диссертации, скрупулезность и основательность охвата, осознание собственных результатов — превышают типичный уровень подобных сочинений соискателей из ЮВА и АТР, — диссертация, безусловно, выполнена на хорошем уровне, актуальна, научно значима, ее

результаты перспективны и применимы в практике преподавания; в некоторой степени, — обогащают теорию перевода.

Следовательно, диссертационное исследование Лю Ди отвечает всем требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, а диссертант Лю Ди — заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
китайского языка ГБОУ ВПО «Московский
городской педагогический университет»

В.А.Курдюмов

«10» 8 2014 г.

Подпись доктора филологических наук, профессора Владимира Анатольевича Курдюмова заверяю

